

Мое знакомство с творчеством Л. М. Леонова произошло во время войны, когда на экран вышли короткометражные фильмы «Пир в Жирмунке» и «Трое в воронке», а позже — «Нашествие». Мне удалось побывать во многих местах, связанных с жизнью и творчеством Л. М. Леонова — в Архангельске, в Балахне на Бумкомбинате, на Валааме, в селе Ескино Ярославской области — на родине матери писателя, в Параклитовой пустыни под Загорском, в деревне Полухино в Калужской области, где часто бывал Леонов в детские годы, в Бериславе, Каховке, Джанкое, Симферополе — по местам боев 15-й Инзенской стрелковой дивизии, в составе которой служил Л. М. Леонов во время гражданской войны.

Вчера приехал из трехнедельного путешествия по леоновским местам Средне-волжья по маршруту Москва — Арзамас — Чебоксары — Казань (два дня в Свияжске) — Чистополь. Обратный путь из Чистополя до Москвы проделал на пароходе — по Каме и Волге, повторив спустя сорок пять лет маршрут, каким Л. М. Леонов привез свою семью из эвакуации.

В Чистополе, сойдя с автобуса Казань — Бугульма, я сразу же пошел к дому, где жили Леоновы во время эвакуации. Каменный дом этот ныне хорошо знают чистопольцы. На нем мемориальная доска: «В этом доме с октября 1941 г. по май 1942 г. жил и работал писатель Леонид Максимович Леонов». Мемориальная доска висит на фасаде дома. Однако леоновская квартира находилась «в тылу» этого здания, в бывшей квасоварне, и выходила окнами во двор.

Л. М. Леонов попал в квасоварню не случайно. Перед самой войной его имя изрядно склоняли в прессе за пьесу «Метель» как «злостно клеветническую и контрреволюционную». Поэтому при распределении жилищной площади среди эвакуированных Леонову как опальному и доставалась одна из самых худших квартир. Доски пола были постланы прямо на землю (без «черного» пола). В полу были большие щели и дыры. А поскольку внизу находилась канализация, где когда-то закивали квас, то в квартире водились и мыши, и крысы. Леонов со временем купил стамеску, наделал дранок и заделал щели в полу, но мыши все-таки просочились... в пьесу «Нашествие»:

«Фаюния. А ведь только, господин майор, от них вреда нету... от мышек. (Действие показывая, как это делается). Ее в уголок загонишь, пальчиками этак сдавишь шеечку... и в форточку. Сальто-морталь — и все!

Вибель ускоряет шаг. Не отставая, Фаюния убегает за ним.

Мосальский (уже вежливо). Скажите, доктор... Я не очень верю этой диче. Сюда действительно забегали мыши?»

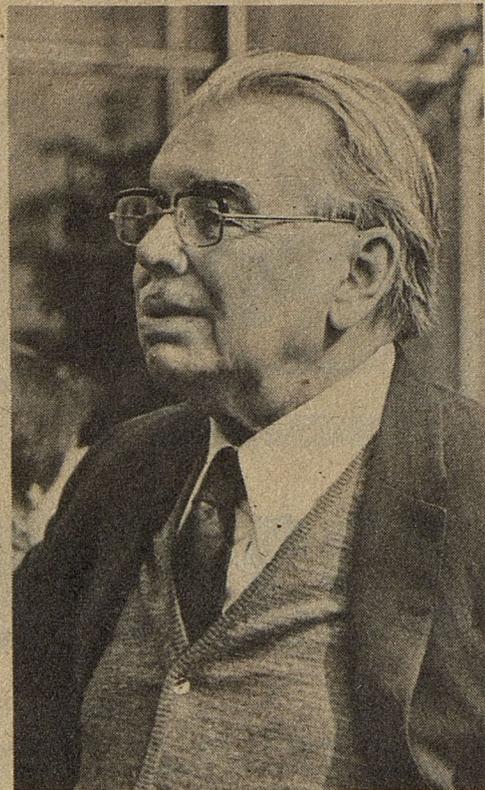
Таланов (в лицо). И крысы, господин офицер». В Чистополе мне удалось встретиться и поговорить с

Сейчас я вернулся из поездки в Грузию по тем местам, где побывал в свое время Л. М. Леонов, когда работал над повестью «Evgenia Ivanovna». Встретившись с Леонидом Максимовичем, я рассказал ему о своих впечатлениях, передал привет и теплые поздравления от грузинских друзей — И. В. Абашидзе и Т. Т. Табидзе — дочери поэта, которая хорошо помнит поездку в 1934 г. Л. М. Леонова в Цинандали и Алаверди, где происходят основные события повести «Evgenia Ivanovna».

Предлагаю свои дневниковые записи о прошлогодней поездке в Чистополь, где Л. М. Леонов в 1941 — 1942 гг. работал над пьесой «Нашествие».

ЛЕОНОВСКИМИ ДОРОГАМИ

ИСПОЛНИЛОСЬ 90 ЛЕТ
ЛЕОНИДУ МАКСИМОВИЧУ
ЛЕОНОВУ

Александр Самуилович Самойловым — потомственным врачом. С его отцом у Леонова были теплые, добрые отношения. Известно, что образ врача Таланова в «Нашествии» — собирательный, синтетический. Кое-что в нем «подсказано» Леонову двумя подвижниками — бывшими земскими врачами, жившими в Чистополе, с которыми дружил автор пьесы. Это — Дмитрий Дмитриевич Авдеев и Самуил Зиновьевич Самойлов. Квартира Леоновых находилась во дворе дома Самойловых.

А. С. Самойлов рассказывал, что когда Леонов зимой 1941 года стал писать «Нашествие», то они на целый месяц перестали общаться. Он видел Леонова лишь утром, когда тот приносил в дом воды или дров, и потом до глубокого вечера в его комнате горела сделанная им из банки копилка, при свете которой Леонид Максимович работал. Первое чтение «Нашествия» было весной 1942 года в доме врача Д. Авдеева в присутствии К. Федина, К. Тренева, Н. Асеева, М. Петровых и других. А. Самойлов сказал, что лучшего чтеца своих произведений, чем Леонов, он в жизни не слышал.

В октябре — ноябре 1942 года А. С. Самойлов неоднократно присутствовал на репетициях Ленинградского областного драматического театра, находившегося в эвакуации в Чистополе и первым в стране поставившего «Нашествие». Леонов по приезде из Москвы активно включился в работу. Спектакль готовили к празднику 25-летия Великой Октябрьской революции. Последние недели репетировать приходилось в две смены — днем и ночью. Л. М. Леонов консультировал постановку своей пьесы. Он талантливо проигрывал, как актер, все роли, предложил свое решение декораций, следил за шумовым оформлением. В день премьеры театр был полон.

Ночью, после премьеры, к Леонову прибежал перепуганный директор театра. В руках он держал разносную телеграмму из Казани. Дескать, на каком основании театр поставил пьесу драматур-

га, который скомпрометировал себя «Метелью». Леонов как мог успокоил директора театра, уверив, что никаких административных мер не последует. К утру обрадованный директор театра принес вторую телеграмму из Казани — поздравление с «большим событием в общественной жизни города»...

Чтение первого варианта «Лёнушки», по словам А. С. Самойлова, проходило у них в доме. Никто из писателей не был приглашен. Присутствовали лишь супруги Леоновы и члены семьи Самойловых.

— Леонова трудно читать, — признался мне Александр Самуилович, — это требует напряжения, большой внутренней работы. Когда автор сам читает, тогда только в полной мере и раскрывается глубина его произведений.

Однако «Нашествие» и «Лёнушкой» не ограничивается творческая связь Леонова с Чистополем. А. С. Самойлов рассказывал, что Леонов он часто видел на берегу Камы, разговаривавшего с мужиками — сплавщиками леса, бакенщиками, рыбаками. Осенью 1941 года, в конце октября, Леонов несколько дней работал по заготовке дров на зиму, вытаскивая из ледяной воды бревна. В паре с ним работал Б. Л. Пастернак. В разговорах с простыми людьми на берегу Камы, на базаре, у церкви Леонов постоянно постигал «вещество жизни». Спустя годы писатель снова мысленно вернется в Чистополь, когда начнет работать над «Золотой каретой» и «Русским лесом». А. С. Самойлов сказал, что прообразом героини «Золотой кареты» Марьи Сергеевны является председатель Чистопольского горисполкома времен войны Мария Сергеевна Тверякова, с которой Леонов был знаком, после

войны работала министром торговли Татарии. В личной жизни она, как и героиня «Золотой кареты», была неудачницей — развелась с непутевым мужем, одна воспитывала ребенка. Город, где происходят события «Золотой кареты», во многом напоминает Чистополь, его улицы, быт, людей.

Чистопольский краеведческий музей был для Л. М. Леонова в 1941—1942 годах едва ли не самым любимым учреждением культуры, куда он частенько заглядывал. Благо было все рядом — буквально через несколько домов от его квартиры.

Доктор А. С. Самойлов рассказывал, как он однажды осенью 1941 года вместе с Леоновым ходил в музей. Когда они проходили мимо галереи старинных живописных портретов чистопольцев, внимание Леонова привлек портрет купца Кокорышкина. Леонид Максимович остановился, достал записную книжку, карандаш и что-то записал. Позже, когда Леонов в первый раз читал «Нашествие», Самойлов понял, что «походы» Леонова в музей были частью большой, непрерывной работы писателя.

Старожил города художник Иван Александрович Нестеров, с которым я встречался в Чистополе, во время войны как радиотехник был на «бронь» и обслуживал городской радиоузел. Л. М. Леонов среди других писателей был автором местного радиовещания. Он часто выступал у микрофона. Получив соответствующее разрешение, Леонов в 1941—1942 годах регулярно приходил в городской радиоузел, где в отдельной комнате слушал в наушниках немецкие передачи. Нестеров помнит, как однажды Леонов, слушая, с возмущением комментировал речь предателя — сына

артистки Блюменталь-Тамариной, оставшегося в Киеве и служившего у немцев. Не исключено, что какие-то черты его «достались» в «Нашествии» «Мосальскому, бывшему русскому».

По словам И. А. Нестерова, Леонов — очень трудолюбивый человек. На токарном станке он вытачивал мундштуки, делал зажигалки и вообще с удовольствием выполнял всякую тонкую ручную работу. У Нестерова и Самойлова были мундштуки и зажигалки леоновской работы. В свою очередь, И. А. Нестеров нарисовал и написал три портрета Леонова и сделал одну гравюру.

За время жизни в Чистополе Леонов читал книги из библиотеки музея, брал их в небольшой библиотеке отца А. С. Самойлова, а также из городской библиотеки, у врача Авдеева и других знакомых. Драматург и мемуарист Н. Г. Виноградов-Мамонт свидетельствует в своих записных книжках за 1941 год:

«28 октября. Вторник. Леонов — без белья, без костюмов, а главное, без своих записных книжек, подготовленных для романа; все оставлено в Москве. «Работа десяти лет жизни пропала!» Леонов жадно ищет и книги, и особенно людей...».

Искать людей, изучать жизнь во всех ее многообразиях и сложностях, отражать ее в художественных произведениях... — в этом весь Леонид Максимович Леонов. Владимир ДЕСЯТНИКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Читатели «Книжного обозрения» сердечно поздравляют классика советской литературы с 90-летием со дня рождения.